

Е. Ф. ШМУРЛО

Петр Великий в оценке современников и потомства

II

28 января 1725 года смерть прекратила кипучую деятельность Петра, и для него настал суд потомства. Приговор ближайших поколений был столь же разноголосым, как и отзывы современников. Одни глубоко оплакивали потерю, другие не знали, как выразить свою радость. Одни — это Россия официальная, правительственная, сознательно или по расчету порвавшая со старым; сотрудники государя, «птенцы гнезда Петрова», гордые соучастием в великом деле; другие — та многомиллионная масса, для которой вся «реформа» пока еще сводилась к одному надруганию над самым святым и заветным, да к напряженной работе ради непонятных и чуждых ей целей.

Присмотримся первоначально к последним.

Сила народной ненависти едва ли не ярче всего сказалась в лубочной картине «Как мыши кота погребают», — картине, получившей весьма широкое распространение и выдержавшей бесчисленное количество изданий. «Чисто русская, — говорит Ровинский¹, — вполне оригинальное произведение народного буффа», — картина эта, с соответственным текстом, в наивной и грубой форме заклеяла все, что претило народному уму в реформах Петра. С беспощадной иронией набросилась она на брадобритие, курение табаку, введение музыки в погребальный обряд; досталось и всепьянейшему собору, и богопротивной одноколке, на которой в свое время так любил разъезжать покойный кот; затронула народная сатира и насильственное плетение лаптей, клеймение рекрутов-новобранцев; больно задела она и

котовую вдову, «чухонку-адмиральшу Маланью». Царственное происхождение покойника легко вскрывается в прозрачном его титуле: «кот казанский, ум астраханский, разум сибирский», и еще более в указании на время смерти: в серый (т. е. зимний) четверг, в шестопятое число *. Собственно *государственную* деятельность Петра «Погребение кота» не затронуло; но в данном произведении мы во всяком случае имеем дело с защитой далеко не одного только *обряда*, старой *формы*: в «Погребении», несомненно, ясно сказалось понимание того, что наплыв иноземцев, вторжение новых порядков коренным образом меняет весь старый уклад жизни, не только его формы, но и *содержание*, и что безобразные выходки всешутейшего собора идут гораздо дальше простой забавы пьяной компании.

К влиянию иноземки Екатерины на своего супруга народная сатира возвращалась не раз. Картина «Как Баба-Яга дерется с крокодилем», по справедливому толкованию Ровинского, имеет в виду царственных супругов. «Старообрядцы и доньне зовут своего недруга Петра Первого крокодилем». Другая лубочная картина «Немка верхом на старике» имеет связь с рассказами, ходившими в народе о слабости Петра к шведской девице. К этой же категории произведений народного творчества относится В. В. Стасов² и некоторые другие картинки: «Старый немец на коленях у молодой немки», «Молодая немка кормит старого немца соской», «Баба-Яга с плешивым стариком», в которых Петр и Екатерина представлены уже не враждующими, а, наоборот, мирно пляшущими и живущими в ладах, причем первый изображен под башмаком у второй. Наконец, на Петра же были направлены и картины: «Христос побеждает антихриста» и «Бык не захотел быком быть»: головы антихриста и мясника, двух фигур, опрокинутых вверх ногами, очень схожи и лицом напоминают Петра¹⁾.

Неуклонно отрицательное отношение к Петру людей, цепко державшихся за формы московской старины, можно проследить на всем пространстве XVIII столетия. Оно, впрочем, и неудивительно, если вспомним, что порядки, заведенные неукротимой волею всемогущего императора и ниспровергавшие старый обряд, нашли себе авторитетную поддержку в лице его преемников. Надежды, оживившиеся было с воцарением Петра II и породившие среди поморских сарообрядцев нечто вроде манифеста о молении за нового императора, быстро исчезли, что и понятно,

* Петр Великий скончался в четверг, зимним месяцем, в шестом часу утра.

если вспомнить, что как раз при этом новом государе последовало в 1729 году изменение в обмундировании русского войска, не только не восстановившее старинного покроя одеяния, но шедшее еще дальше в деле подражания европейской моде: солдатам привязали косы, заставляли их пудриться... Бороды сбрасывали по-прежнему, кургузое платье заставляли носить, как и раньше, неправославный уклад жизни поддерживали неизменно. Сенатский указ 19 февраля 1743 года возобновлял прежние правила о неукоснительном бритье бороды и усов, о ношении немецкого платья; за ношение бороды полагался штраф; запрещалась и торговля русской одеждой. В 1748 году запрещение было подтверждено. Борьба на почве литературной — изображение брадолюбия в смешном виде — целей не достигала; а в то же время презрение к старине в известных слоях дошло до того, что табак начали нюхать даже в церкви, так что пришлось (в царствование Елизаветы) запрещать это особым указом. Конечно, подобные явления в глазах бородачей лишь подтверждали справедливость их точки зрения, и протесты против бритья бороды, нюханья табаку раздаются в царствование императрицы Елизаветы довольно часто.

На этой почве слагаются даже целые легенды. В семье Нарышкиных из поколения в поколение хранили как фамильную святыню бороду некоего блаженного Тимофея Архипыча. Легенда повествует, что Нарышкина, современница Петра, до глубины души возмущавшаяся преобразованиями государя, однажды «пала на колени и в пылу религиозного увлечения возносила к небесам молитву о том, чтобы род ее неизменно оставался верен истинному православию и не прекращался никогда. Внезапно ее озаряет видение: она видит перед собою, “на воздушех”, коленапреклоненным Тимофея Архипыча, держащего в руке свою длинную седую бороду, и, обращаясь к ней, он произнес: “Настасья, ты молила Бога, чтобы род твой не пресекался и пребывал в православии; Господь определил иначе, и молитва твоя вполне услышана быть не может; но я умолил Всевышнего, и доколе в семье твоей будет сохраняться в целости моя борода, желание твое будет исполнено, и род твой не прекратится на земле”. Устрашенная и взволнованная этим видением и этими словами, Настасья Александровна упала и лишилась чувств. Когда ее подняли и она пришла в себя, то в руках ее оказалась длинная седая борода». Мы можем не верить тому, что борода очутилась в руках экзальтированной женщины, но несомненным остается тот факт, что какая-то борода, чья бы она ни была, долгое время сохранялась в семье Нарышкиных и переходила из

рода в род, как заветный талисман, с существованием которого связывалась вера в домашнее счастье и благополучие.

Выше мы ознакомились с народными картинками сатирического содержания; что было ненавистно и чуждо народному уму, то он заклеил беспощадным глумленьем; но если для одних художественная кисть или перо служили орудием смешной карикатуры, то изувер-фанатик прибегал к ним в целях изобразить свой богобоязненный ужас, руководясь мотивами исключительно религиозного характера. В одном из лицевых сборников второй четверти XVIII столетия содержатся любопытные иллюстрации к тексту толкового Апокалипсиса и очень популярного среди старообрядцев сказания о конце мира, — так называемого «Слова блаженного Ипполита, папы римского и мученика, о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа и о страшном его суде». Художник, всецело проникнутый непримиримой ненавистью и отвращением к Петру и его реформам, прекрасно воспользовался подходящим случаем для того, чтобы старинный текст растолковать явлениями близкого ему времени. Перед нами проходят солдаты в кафтанах Петровской эпохи с подписью под рисунком из пророка Исайи: «страну вашу чуждии поядят», так что не остается никакого сомнения, кого надо подразумевать под «чуждими»; те же петровские солдаты расстреливают старцев, связанных и облеченных во власяницы, или сражаются с казаками; у ворот города человек в красном кафтане держит в руке развернутый свиток, рядом с ним барабанщик бьет в барабан — это приводят в подданство антихристу; укрывшихся ведут к нему насильно, отпавшие знаменуются его печатью, верные предаются на муку. Сам антихрист на некоторых рисунках изображен с чертами лица, не оставляющими никакого сомнения в тождестве их с чертами императора Петра I. Мрачным характером запечатлена картина с надписью: «Тогда послет в горы и в вертепы и в пропасти земные бесовские полки, во еже взыскати и изобрести скрывшиеся от очию его и тех привести на поклонение его». Внизу, под красным балдахином, сидит на престоле антихрист; следуя указанию его руки, военный отряд, руководимый синим дьяволом, направляется к скиту, что стоит среди дремучего леса; сверху картины изображены высокие горы с тремя пещерами — там спасаются миряне и иноки; один из них молится перед иконой, два отряда петровских солдат, руководимые дьяволами, поднимаются вверх по лесистым склонам. Не трудно догадаться, что здесь мы имеем дело с изображением тех военных команд, которые так часто тревожили мирный покой старооб-

рядцев и беспощадно разрушали их ветлужские и олонечские убежища. Иллюстрации названного сборника, по словам Г. Щепкина, давшего первое их описание, «отнюдь не могут быть названы политическими карикатурами: это вполне серьезные произведения гонимого религиозного фанатизма, отождествившего традиционные описания конца мира с русской действительностью начала XVIII века. Глубоким суеверным чувством дышат эти рисунки, и условия исторической эпохи отражаются в них весьма реально»²⁾.

Подобно тому, как при жизни Петра были не только противники его мероприятий, но и исповедники враждебного ему учения, так и теперь мы встречаемся, и при том среди не одних только раскольников, с людьми, готовыми отдать жизнь за право бросить открытый вызов памяти ненавистного царя. В 1737 году в Преображенском приказе велось дело о бывшем солдате и канцелярском слуге Иване Павлове и «тетрадах», им составленных. Рядом с обычным негодованием на «евхитскую ересь» и «дьявольский образ» (брадобритие), на заведение «школ мафематических и академий богомерзких», в которых погодно печатаются «от звездочетия зловерующие календари» и русский народ приводят в «планеты и в прочие знаки, яко в Бога, веровати», — мы встречаем и новые указания на то, что смущало душу тогдашнего человека.

Пошатнулась благочестивая вера! Ей открыто стали предпочитать иноземную! Когда страшный пожар истребил массу московских церквей, господа Строгановы ни единой церкви не помогли, в Немецкую же слободу, для постройки погорелой кирки, 200 рублей послали! В той же Москве, у гостинного двора, на новой каменной церкви воздвигли маленький крест, совсем не такой, как на соборных и прочих церквах. Тяжелые времена! «Ныне кто что вздумал, то и сделал!»

И всему этому злу причина — царь Петр. Устранив патриарха, он принял на себя патриаршую и церковную власть, вступался в духовные дела и решал их своими указами — тогда как заповедями св. апостола царям этого отнюдь не дозволено: их дело за св. Церковь стоять и оборонять ее от неверных. Между тем Петр, как истый антихрист, повсюду профанировал церковные обряды: чинил комедии и наряжал людей в хари, кощунствовал на святках, разъезжая со славленьем, распевая бесовские песни; в маскарадной одежде, непристойно, с великим звоном, пародируя крестные ходы, объезжал со своими приспешниками по трижды вокруг собора и тем «древней святыне ругание и посмешество творил»... Те же бесовские песни, непристойные сло-

ва и шутки составляли неотъемлемую принадлежность и свадебных празднеств. «Хульник и богопротивник», он приказывал встречать себя в торжественные приезды в Москву подобно Сыну Божию: дети, одетые в белые подстихари, расставленные у триумфальных ворот, с вайями и ветвями, пели при его проезде: «Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!». И в другом хотел он уподобиться Христу: во время маскарадных игрищ, с нарочно устроенного корабля бросал он на площадь живую рыбу, «яко бысь во явлении Господни апостолам, ловящим рыбы в море на корабле»; из Спасского монастыря выходил, возложив на главу свою терновый венец; в таком же венце изображал себя на монетах...³⁾

Да, Петр умер, но память о содеянных кощунствах пережила царя и сильно бредила религиозное чувство русских людей. Борода оставалась неизменным символом православия; и литературное перо убежденного старовера охотно направляло свои стрелы против ненавистного ему сочинения Димитрия Ростовского, допуская, как мы видели, «богопротивное и гнусное брাদобритие». Поколения будут сменяться за поколением, а ненависть и омерзение к «ложному Мессии» в взволнованной душе клочкотать будут по-прежнему. Впрочем, в данном случае необходимо оговориться и несколько сузить ту сферу, к которой можно было бы приложить только что сказанное. В истории раскола царствование императрицы Екатерины II внесло важный перелом. Указ 14 декабря 1762 года, вызвав из-за границы бежавших туда раскольников дарованием льгот, о каких в предыдущие царствования им и не снилось, нанес сильный удар чувству непримиримости и отчужденности старообрядцев. На этой почве с одной стороны выросло позднейшее единоверие, а с другой — готовность беспоповщинской секты пойти на разного рода уступки. Поморцы признали для себя необходимость брака и вместе с федосеевцами ограничили прежнее учение о воцарении антихриста, допустив, что после Петра антихрист царствует не чувственно, а лишь духовно и что поэтому преемники первого императора суть только слуги, исполнители антихристовой воли, а не сами антихристы. Прежняя враждебность стала мало-помалу сглаживаться; реже встречалось противодействие государственным законам; запись под двойной оклад, в ревизские сказки, мысль о подати и паспортах, отправление рекрутчины, молитва за царя и т. п. перестали пугать в такой степени, как это бывало раньше.

Но именно эта самая примирительная струя и вызвала реакцию среди наиболее фанатических приверженцев старины. Из

поморцев выделился новый толк филипповцев, для которых все преемники Петра были одинаково антихристы; а потому какая-нибудь молитва за них, повинование поставленным от них властям рассматривалось как отступление от «древлего благочестия». Еще дальше пошла секта странников или, как она иначе еще называется, бегунов. Тут не только отказывали в повиновании властям предержавшим, но с фанатической нетерпимостью относились и к раскольникам прочих толков. Антихрист, по учению странников, все осквернил своим присутствием; жить в современном обществе значит, хотя бы косвенно, признавать его власть над собой, подчиняться ему, а потому единственный исход для благочестивого человека — бежать возможно скорее из этого общества. Таким образом, оппозиция Петру среди староверов, проиграв количественно, едва ли не выиграла в интенсивности и сознательности.

Основателем секты странников был некто Евфимий, беглый солдат, человек большой энергии и глубокого убеждения (1743—1792). Его перу принадлежат: 1) Толкование на слова Ипполита, папы Римского об антихристе; 2) О злополучных последних временах и о знамениях антихристовых; 3) Цветник, собранный на старообрядцев, и некоторые другие. Особенному распространению секта обязана крестьянину Никите Семенову (ум. 1793 г.). Основные положения учения бегунов * сводятся к следующему.

Первый антихрист, связанный на 1000 лет**, появился по истечении первого тысячелетия по Р. Хр., воцарившись в греческом царстве, под греческим именем Аполлуен, указанным в Апокалипсисе***; по истечении новых 666 лет, составляющих имя его****, явился в России второй антихрист, уже видимый — патриарх Никон. Это был первый зверь, предсказанный Апокалипсисом*****, с семью головами и десятью

* Мы имеем в виду преимущественно те стороны учения Евфимия, которые непосредственно относятся к личности и деятельности Петра В<еликого>.

** Апокалипсис, гл. 20, ст. 2.

*** Гл. IX, ст. 11: «Имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион». Евфимий в данном случае читает: $\alpha\iota\tau\acute{\epsilon}\epsilon\zeta\alpha\iota\upsilon$; сумма букв этого слова, прочитанных цифрами, даст 666: а (1) + п (80) + о (70) + л (30) + л (30) + у (400) + е (5) + н (50) = 666. Между тем правильное начертание слова: $\alpha\iota\tau\acute{\epsilon}\epsilon\zeta\omega\iota\upsilon$ (Απολλων).

**** «Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое: число его шестьсот шестьдесят шесть» (Апок<алипсис>, гл. XIII, ст. 18).

***** Гл. XIII, ст. 1.

рогами *. Наконец, появился третий и последний антихрист в лице Петра, о котором Откровение св. Иоанна так говорит: «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как дракон» **. Не без некоторого противоречия самому себе, но с очевидным желанием дать подобающее место и Алексею Михайловичу, первому из государей, нарушивших «древнее благочестие», Евфимий, в дальнейшем изложении, называет и Петра, и его отца *рогами* этого двурожного зверя: царя Алексея первым, Петра же — вторым рогом. Подобно тем двум антихристам, и третий тоже скрыл себя, назвавшись императором: «онный Петр не приял на ся царского имени, но восхотел поримски именоватися: император. А в римлянах оное императорское именование без *мыслите* состоится, яко о том показуется в троязычных букварях, сиречь: *иператор*». Смысл этого слова тот же, что *титин*, знаменующий сатану: «исчисли обою, титин и ператор, и узриши: 666» ***.

Еще св. Кирилл Иерусалимский³ предрек его появление, говоря, что придет и воссядет гордый князь мира во имя Симона Петра. «Все повинующиеся императору антихристу заклеяемы его печатью, отрицаются Христа и предаются дьяволу. Петр I есть чувственный антихрист. Все его повеления ложны, законопреступны и богопротивны. Обложив денежным окладом православных, он записал их в еретики. Чувственные бесы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православных раскольниками и обложили их двойным денежным окладом. Бесовские полки, воинские и гражданские власти, исполнили царские указы от 8 февраля 1716 и 2 марта 1718 годов». Как и подобает истинному антихристу, Петр приказал прославлять себя, говоря в начале указных своих повелений: «Мы, Божеею милостию, император»; соответственно двум рогам, принял два титула: «царь благоверный» и «император благочестивейший». Раньше все свободны были, а теперь всенародною переписью Петр «народ в груды собрал, хотя его во власти своей удержати», что предрек еще римский папа Ипполит словами: «антихрист соберет расточенные люди». Кто, как не он, «по са-

* Слово Νηκῳταφ (Никита, мирское имя Никона) Евфимий читает в искаженной форме: Νηκῳτοφ, что дает ему: н (50) + и (8) + к (20) + и (8) + т (300) + и (10) + о (70) + с (200) = 666.

** Гл. XIII, ст. 11.

$$\begin{array}{l|l} \text{і} & \text{т} \\ \text{п} & \text{и} \\ \text{е} & \text{т} \\ \text{р} & \text{и} \\ \text{а} & \text{н} \\ \text{т} & \\ \text{о} & \\ \text{р} & \end{array} \quad \begin{array}{l} | \\ | \\ | \\ | \\ | \\ | \\ | \\ | \end{array} \quad \begin{array}{l} \text{т} \\ \text{и} \\ \text{т} \\ \text{и} \\ \text{н} \\ \\ \\ \end{array}$$

$$10 + 80 + 5 + 100 + 1 + 300 + 70 + 100 = 666 \quad 300 + 8 + 300 + 8 + 50 = 666.$$

танину велению», учредил цехи и гильдии, ввел брадобритие, новое платье, куренье табаку и разные другие богопротивные из латинских и немецких стран установления, раздробил всех людей на разные чины, размежевал между ними землю, леса и воды, наделив одних обильно, других недостаточно, кому же и вовсе ничего не дав, «только едино рукоделие повелел», «да каждый знает свое и наблюдает за ним, другого же надела не прикасается»? Но коммунистические идеалы Евфимия не мирятся с таким распределением собственности, слова «мой» он не признает: «сей же глагол св. Златоуст проклятым и скверным нарицает, глаголя: *мое* — от диавола введется, все нам общее сотворил Господь, и несть можно рещи: *мой свет! мое солнце! моя вода!*» Все такие новшества в результате сказались порчею общественных нравов: «начаша бывати обманы, неправые меры, неистовые весы, и во всякую вещь неудобные примесы; родишася божбы и клятвы, жаждательства имения, ненависть, зависть, вражда и драки и междоусобные брани до свирепства, обиды до грабительств».

«Змий седмиглавый», Петр обложил народ семигривенною подушною податью и «почтил семь главных страстей: гордость, или славолубие, стяжание богатства, сластолюбие, гнев, зависть, чревоугодие и небрежение; установил многие языческие обычаи, как то: брады брить, платье немецкое носить, банты и петли на шеях имети, табак носом пити и курити, в комедиях, маскарадах, пирах и балах нощенствовати и прочее». Наконец, указом 5-го февраля 1722 года (законом о престолонаследии) Петр «устроил оному мысленному антихристу дом царствующий», повелев наследником признавать того, кто будет им назначен.

С негодованием вспоминает Евфимий об оскорбительных отличиях в одежде — червлёных козырях с тремя инициалами *є. р. Ѡ* («еже есть: еретик, раскольник, отступник») — о том, как даже «св. богодухновенные книги оглаголюя расколническими... а свою еретическую церковь» «богохульно» называл «святою»; о том, как учредил Синод, посягнув там своею персоною изображать упраздненного патриарха.

Начатое беззаконие не прекратилось со смертью Петра: указы 1731, 1744, 1745 и 1764 гг. оскорбительно называли староверцев раскольниками; а императрица Елизавета, кроме того, именуя покойного государя «благочестивейшим императором» и возобновив его прежние повеления, направленные против приверженцев старой веры, тем самым явно обоготворила антихриста. «Все идет против Бога и все против правды; до конца тлеет

благочестие, во всем царствует нечестие; вместо законов водворилось везде беззаконие, лихоимцы вси грады содержат: во всем убо дух антихристов возвевя на нас». Чтоб избежать этого духа, остается одно — спастись от него *бегством*...⁴⁾

Нельзя сказать, чтобы Евфимий своим учением внес что-либо особенно новое, как-нибудь иначе осветил личность и государственную деятельность Петра Великого сравнительно с другими противниками государя-реформатора; но то, что раньше было отдельным несвязным представлением, с характером индивидуального понимания, теперь получило известную связность и законченность, стало именно *учением*, системой. Евфимий не ограничивается простым изложением фактов, но ставит их во взаимодействие, подчеркивает последствия, из них вытекающие. Он борется против основного смысла петровских преобразований, против того духа, каким, по его мнению, они проникнуты. Отрицательное отношение к настоящему порождено не чем иным, как глубоким убеждением, что современный строй жизни, церковный, социальный, государственный есть прямой продукт недавнего прошлого. Таким образом в учении Евфимия субъективная оценка *личности*, оставаясь такою же страстною и непримиримою, как и у современников Петра, переходит, хотя, может быть, и бессознательно, в критику *реформы*, как общественного явления. Это последнее обстоятельство, несомненно, придало много яркости и живучести учению Евфимия; но зато, параллельно, когда с годами отрицательные стороны этой реформы в сознании массы начали постепенно терять свой острый характер, учение беглого солдата все более и более должно было замыкаться в тесный круг немногих фанатических последователей, становиться диким пережитком и анахронизмом.

Дальнейшее развитие идей Евфимия следует видеть в «Сказании об антихристе, еже есть Петр I» (иначе: «Собрание от святого Писания о антихристе»), — страстном памфлете против царственного реформатора, полном горячего воодушевления и бешеных порывов. Тут перед нами одновременно и непреклонная вера, и оскорбленное чувство, и непримиримая ненависть. Пером составителя названного памфлета руководит, разумеется, не серьезное изучение вопроса, а нетерпимость фанатика, непримиримого врага. Называя Петра антихристом, автор произносит не бранный эпитет, но искренно верит в реальность этого отождествления, именно отождествления, а не сравнения. Страстная филиппика вперемежку со ссылками и выписками из Отцов Церкви, с постоянным повторением и возвращением к только что сказанному; возбужденное состояние, прорывающееся чуть

не в каждой строке, — все это повлияло и на внешнюю форму памфлета, беспорядочную, невыдержанную, без системы.

Со времени звериного 1666 года (когда новоисправленные книги получили санкцию Московского собора) царь Алексей стал, в глазах автора «Собрания», «жидовином» и «мучителем»; царь же Петр постоянно называется «лютým зверем», «воли сатанинской исполнителем». Это «ложный мессия», «противник Христов», «сын погибельный», «жидовский царь», «лжепомазанник», «лжехристос», «злой сосуд сатанин», скрывший «пагубное имя свое под литерою М», так как в остальных буквах слова *Император* благочестивому староверу чудится, подобно Евфимию, то же звериное число 666. Сильно достается Петру за учреждение Синода, за именование себя отцом отечества, что являлось, по мнению безымянного автора, кощунством над саном патриарха. С таким же негодованием читает он в книжке Беляева «Кабинет Петра Великого» выдержки из Ломоносовской оды: «Он бог твой, бог твой был, Россия». Особенно сильны нападки на перемену летоисчисления; сетования на это разбросаны по всему сочинению. Что же касается до введения подушной переписи, то она кажется нашему автору таким богоотступным делом, что мысль его никак не может примириться с этим фактом. Он с решительностью провозглашает, что «такому лжехристу в послушество отдатися не ходем и в книги его законопреступные писатися никогда не будем, да и хотящим спастися никому не советуем. Творите с нами, что хочите... ибо мы от святого крещения записаны есмы в книги животныя у Царя небесного на небесех».

Мысли, однородные с «Сказанием об антихристе» и «Цветником» Евфимия, высказывает другой последователь секты бегунов, Василий Московин в своем «Разглагольствовании тюменского странника», сочиненном около двадцатых годов XIX столетия. Отрицательное отношение к Петру является здесь результатом целого мировоззрения. Весь мир делится на два царства: на мир Божий с небесным градом Сионом, и мир сатанин с великим темным градом Вавилоном (Россиєю). В этом Вавилоне антихрист воплотился в лице царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и справщика Арсения Грека⁴; первое обновление его — в лице Петра, принявшего императорский титул: «император наречеса, сиречь монарх или единовластитель, не имея равного себе, дабы кроме его никаких дел не творили, но имели бы его себе превысочайшею главою». Вот почему иное дело царь благочестивый, иное — император: за первого молиться следует, за

второго — никогда, и все, исходящее от «императора», есть богопротивное и нечестивое. Поэтому в глазах Тюменского странника святейший Синод есть «жидовский синедрион», а правительствующий Сенат — «антихристов совет»; а в слове *сенаторы*, которое бегуны пишут «сенатри», скрыто то же звериное число*.

Несколько особняком от двух только что рассмотренных произведений стоит сочинение неизвестного автора «Апокалипсий». Насколько можно судить по неполным данным, проникшим в нашу печать, автор «Апокалипсия» особенно смущен «языческими» формами, какие усвоила русская жизнь в XVIII веке. Памятник Петра на Сенатской площади в Петербурге, портрет государя, резанный в 1764 году, с стихотворной подписью Сумарокова, и другой, где император изображен рядом с Минервой⁵, представляются ему «антихристовыми иконами», «образами звериными», предсказанными еще у пророка Даниила в Апокалипсисе. Конь и змея на дивном произведении Фальконета служат ему оправданием слов Иезекииля: «от гласа ржания яждения коня потрясется вся земля, и придет и пожрет землю, и исполнения ея, град и обитающих в нем»; а также слов Псалмопевца: «яко се аз пошлю на вас змии умерщвляющыя, имже несть заклинания, и угрызут вас». В стихах Сумарокова богиня славы толкуется всемирною вавилонскою блудницею, чью преступную связь с антихристом предугадал Апокалипсис: тот же смысл придан и Минерве. Что Петр антихрист — этому доказательство и самое его происхождение: он от смешения рабской крови (Нарышкиных) с царскою (царь Алексей) и священнической (прадед, патриарх Филарет). Всевозможными издевательствами осыпана «полюбовница Петрова, римлянка» Екатерина I, главная советница и подстрекательница всех нововведений Петра; не менее достается и императрице Елизавете, новой «Венере» и «еллинской богине». В восторженных одах стихотворцев XVIII стол., сравнивавших время Петра с золотым веком, фанатику чудится богохульное поклонение богу Сатурну — властителю этого века лишь по мнению язычников, а по учению церковных писателей — самому сатане.

Вопрос об антихристе, столь тесно связанный с заботою о спасении человеческой души и уже по одному этому крайне тревожный, волнующий, представлял благодатную тему для

* с е н а т р и
200 + 5 + 50 + 1 + 300 + 100 + 10 = 666.

благочестивой, ищущей правды души. Перо раскольника не ограничивается страстным памфлетом, горячею исповедью — оно создает целые трактаты, пытаясь всесторонне, хотя и крайне туманно, подойти к решению наболевшего вопроса. Такова «Книга о случаях последнего времени». Развитие мысли запутанное, тон речи торжественный, болью сердечной и фанатизмом отчаяния дышит каждая страница. Новых положений относительно Петра и его реформы названное сочинение не выставило; но в нем, можно сказать, как в фокусе, сконцентрировались вся злоба и негодование раскольничьего мира, весь ужас, вызванный деятельностью преобразователя. Известное (апокрифическое, но весьма авторитетное среди староверов) сочинение св. Ипполита «Слово в неделю мясопустную о скончании мира и о антихристе и о Втором пришествии Господа нашего И<исуса> Христа» служит в данном случае нашему автору отправною точкою для его рассуждений. Следя за поступками и мероприятиями ненавистного ему русского императора, он находит в них блестящее доказательство справедливости пророчаний св. отца. «Книга о случаях последнего времени» дошла до нас в составе обширного рукописного сборника, представляющего собой (применяясь к современному типографскому языку) богатое, прямо даже роскошное издание, и одно уже это дает основание думать, что в известных кругах внутренняя ценность этого сочинения ставилась очень высоко⁵⁾.

Представление о Петре как об антихристе удержалось вплоть до наших дней. Двести лет времени прежней точки зрения не изменили. И до сих пор, по удостоверению г. Розова, «у раскольников страннического согласия существует картина, изображающая Петра I в виде антихриста, в венце и порфире. Сатана, подавая ему свечу, говорит: “твори волю мою; одного Иуды мне ныне мало, а чрез тебя я привлеку к себе много людей”. Подле Петра I изображена православная церковь в виде блудницы». В деревне Талицах, Макарьевского уезда, Костромской губернии, откуда был, кажется, родом Григорий Талицкий, и до сих пор держится мысль, что Петр Великий — антихрист, а также сохранилось предание, что он кого-то из их деревни мучил, жег живьем на Москве.

Учение, видевшее в императорском титуле скрытый апокалипсический знак, с логической последовательностью переносит свои воззрения и на преемников Петра Великого. Подобно тому как современники Елизаветы Петровны считали ее «не прямою царицею», говоря, что законный государь — «отрасль благочестивого государя Ивана Алексеевича», внук его Иоанн

Антонович⁶; так точно и Петр III *, Александр Благословенный, Николай I были, каждый, новыми «обновлениями» антихриста. Последователь федосеевского толка Ермаков заявлял в 1855 году: «Вашего синода и всего духовенства вашей церкви совершенно не признаю и не терплю, ибо они богомерзкие отступники, гонители и мучители нас, правоверных, и самого царя опутали своим бесовским лжемудрованием и лукавством. *Императором* Александра Николаевича не признаю, а признаю его *царем*. Титул же императорский, вместе с гербом двуглавого орла, Петром Великим заимствован от нечестивого сатанинского папы римского. Титул *император* значит Перун, Титин или Дьявол: герб двуглавого орла есть тоже дьявольский, ибо человек, зверь и птица имеют по одной голове, а две головы — у одного дьявола... Властей мирских я признаю только тех, кои поставлены были царем, а не императором. Начальников над нами, правоверными, ныне вовсе нет никаких, а прежде были бояре и воеводы. Сенат же ваш — есть дьявольский комитет».

Повышенное настроение сказалось и в создании песен, оплакивающих горькую судьбу православия. В одном из так называемых «духовных стихов» И<исус> Христос говорит: «Народился злой антихрист», «наложил печать свою на людей» — благочестивому человеку один исход: бежать в леса и дальние пустыни, засыпаться песками, пеплом и умереть

За крест святой, за молитву,
За свою браду честную,
За мою веру Христову.

В другой песне Спаситель обращается к Аллилуевой жене и говорит ей:

Ты скажи мою волю всем моим людям,
Всем православным христианам,
Чтобы ради меня они в огонь кидались,
И кидали бы туда младенцев безгрешных,
Пострадали бы все за имя Христа света...
Что антихрист на земле взял большую...
Он брады всем брить повелевает,
Креститься щепотью всем завещает,
Мою веру Христову хочет искоренить.

Вообще на всем пространстве XVIII и XIX в. нетрудно проследить одну общую ноту: Петр Великий — антихрист и все его тво-

* г о л с т е и н

3 + 70 + 30 + 200 + 300 + 5 + 8 + 50 = 666.

рение, а значит, и вся жизнь, какую мы живем теперь, есть исчадие ненавистного ада. Мероприятия царя-реформатора коснулись самого священного и дорогого, и отчаяние наболевшей души нашло себе выход в мрачной проповеди самосожжения и самоистребления.

Тем не менее годы, образование делают свое дело. Даже в секте бегунов в настоящее время замечается поворот на новую дорогу: в сопелковском толке, по словам г. Розова, «Евфимиеву учению об антихристе-Петре хотя и ныне буквально следуют все простые и несведущие в писании... но более сведущие в этом догмате согласились с прочей беспоповщиной: что антихрист есть *вообще* отступление от веры, что все еретики и отступники от истинной веры — антихристы, и что Петр есть антихрист по преимуществу, потому что имеет преимущество власти». Конечно, это уже шаг вперед. Чувствуется, что обрядовая сторона, по крайней мере, в глазах некоторых представителей раскола, потеряла значение религиозного догмата. Борода и длинное платье будут отстаиваться с прежней энергией, но уже скорее во имя нравственного права каждого одеваться так, как он хочет. Павел Любопытный¹², известный историк-поморец, автор «Хронологического ядра староверческой церкви, объясняющего отличные ее деяние с 1650 по 1814 год», не только сочувствует образованию, но даже восхваляет Петра за учреждение Академии наук, негодуя на него собственно за насильственность мер, за презрение к русской народности. Требование брить бороду отвратительно и жестоко, потому что выражает собою «зверский фанатизм»! Запрет торговать русским платьем, замечает Любопытный, философ заклеил бы, как «варварство и бесчеловечие». Тот же характер внутренней несправедливости носит в себе и указ о наложении на раскольников двойной подати: «философия может созерцать в своем предмете буйство царей, сколько они до лет премудрой Екатерины истребили в России рода человеческого, сколько сот тысяч разогнали своими варварскими законами в иноплеменные языки своих подданных! Все это видит мудрый! о цари, цари! Грубейшие!»⁶⁾

Таким образом, прежний фанатизм если и держится, то в кругу значительно суженном; если сила застарелой ненависти тут и не ослабла, зато в массе она, несомненно, поблекла, смягчилась — время взяло свое! Два столетия протекли с того дня, как под царскими ножницами пала первая борода и обрезаны были полы длинного кафтана. К бритому подбородку привыкли, по крайней мере он стал терпим. Рядом с убеждением, что «борода образ и подбие Божие», «борода дороже головы» в народ-

ном сознании стало возможным и совсем иное: «борода выросла, а ума не вынесла», «мудрость в голове, а не в бороде». Примирились и с Синодом, с Сенатом; очевидно, острая форма боли ослабла, народный ум сумел в конце концов отделить внешность от содержания и простить реформе ее внешние стороны. Наконец, что-нибудь да значили же богатырская личность царя-работника, всеиспытующий и проникающий взор его, простота обхождения и сближение с народом, неустанная энергия и гигантский труд, подъятый на благо родины, наконец, слава победителя шведов!.. И действительно, все это нашло свое выражение в народных преданиях, сказках и песнях, посвященных уже не антихристу, а «православному царю Петру Алексеевичу», «Петру I Великому», «полковничку преображенскому, капитану бомбардирскому». Эти песни и сказки до некоторой степени сыграли примиряющую роль. Они не только стали складываться с давних пор — начало их можно относить к самой эпохе Петра — но и удержались до нашего времени. Правда, в розовый цвет эпоху реформ они не окрасили; более того — только скользнули по ней; переворот, совершившийся во внутренней жизни народа, они, можно сказать, не впечатлели: понять его народному уму было не по силам; воспеть и прославить еще менее. Вот почему на петровской песне лежит отпечаток чего-то сурового, мрачного; в ней слышится что-то недосказанное, как бы невыраженное желание, чтоб слушатель прочитал между слов затаенную мысль.

Мать-земля сырая унимает зеленую травушку:
 Не плачь, не плачь, трава-мурава;
 Не одной тебе в чистом поле тошненько,
 И мне еще того тошнее.

Песня не скрывает тяжелых сторон народной жизни; устами князя Голицына она обращается к государю:

Ох ты батюшка, государь-царь ты наш православный,
 Ты зачем, государь-царь, черня-ть раззоряешь?
 Ты зачем больших господ сподобляешь?

Солдаты, отправляясь под Азов, поют:

Ах, бедные головушки солдатские,
 Как ни днем, ни ночью вам покою нет

или:

Не роса пала на травушку,
 Что катилися горючи слезы,

Горючи слезы солдатские,
Идучи, братцы, в землю Шведскую.
Все солдаты во слезах идут.
Во слезах идут, возрыдаючи:
Что прощаются ль солдатушки
Как с отцами и со матерями,
Что с женами и со детками,
С родом-племенем, с приятелями.

Это горе нам станет понятным, когда мы узнаем, что для солдата проститься с родней равносильно тому, чтобы уйти

Во неволюшку — службу царскую,
Во всегдашнюю во заботушку.

Однако тут же рядом слышится сознательное и убежденное:

И мы рады государю послужити,
И один за одного умерети.

Как ни страшны, например, были стрелецкие казни, но народ примирился с жестокой расправой царя. По справедливому замечанию Лавровского, в песнях, посвященных этой расправе, «господствует полное примирение с событиями и их виновником, полное объективное представление того и другого с народно-поэтической точки зрения; в них нет ничего, или почти ничего, что бы обнаруживало недовольство, раздражение, присутствие страсти; там, где заметны признаки раздражения и страсти, они сглажены и смягчены взглядом на них народа и обычными приемами народного творчества. Основная тема всех этих песен — великая провинность стрельцов, измена его царскому величеству, признание этой провинности, испрошение прощения с обещанием загладить вину службою»:

Возьмем мы тебе город, который надобно,
Без свинцу возьмем без пороху,
Без твоего снаряду государева,
Возьмем город грудью белою.

С особенной любовью останавливается петровская песня на военных подвигах царя. Много забот приложил Петр на устройство своей армии, и духовное родство ее с государем с большою силою сказалось в песнях, оплакивающих смерть императора. «Молодой сержант плачет, как река льется», и взывает:

И ты встань-пробудись, государь,
Пробудись, батюшка православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе:

Без тебя мы осиротели,
Осиротев, обессилели.

Повторяем, не светлым, не радостным ореолом окружено в сознании народном царствование Петра Великого, а строгим, серьезным; как бы ни было, во всяком случае на личности могучего императора не лежит ни единого упрека. Здравый смысл народа заставил примириться с временным злом, и личные невзгоды умолкли перед внутренней правдой реформы. Этот смысл оправдал Петра, но наряду с оправданием чувствуется и грустное сознание того, что великий преобразователь напрасно и неосторожно создал себе из общества противника вместо того, чтобы идти с ним всегда рука об руку⁷⁾.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) к стр. 671

- а) О лубочных картинках см.: *Ровинский*. Русские народные картины, IV, 158—159, 256—269, 321—322; V, 155—163; *Стасов*. Рецензия на книгу Ровинского // *Журнал Мин<истерства> нар<одного> просвещ<ения>*. 1882. Октябрь. 321—345; *Ровинский*. Подробный словарь русск<их> гравир<ованных> портретов, III, 1738—1752.
- б) Ср.: *Пыпин*. Дела о песнях в XVIII веке // *Известия Отд<ела> р<усского> яз<ыка> и слов<есности>*. Т. V. Кн. 2. СПб., 1900. С. 579 и сл.; о песне, которую пел дьячок Т. Делифовский об имп. Екатерине I в 1752 году: «Зверочик, мой зверочик, полунощный мой зверочик, повадился зверочик во садочик, к Катюше ходить».

2) к стр. 674

- а) «При вступлении Петра II надежды раскола на поддержку старорусского уклада оживились. В Поморье объявлен был по всем обществам и скитам своего рода манифест о молитии за него»*.
- б) Пудрение волос, ношение косы и штиблет, заведенное в 1729 г. в русской артиллерии, в следующее царствование, Анны Иоанновны, упрочилось окончательно. «Волосы, напудренные, сбирались: на висках — в пукли, а назади — в длинную косу, почти до пояса, оплетенную черною кожею или лентою, завязанную, против кафтанного воротника, в бант»**.

* Доклад Е. В. Барсова (Чтения. 1896. IV, протоколы — с. 44).

** Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1842. Ч. II. С. 139, 134.

- в) В раскольниковую контору за время ее существования (1725—1764), поступило 68 дел «о бородачах и раскольниках, взятых в неуказном платье» *.
- г) Сенатские указы 19 февраля 1743 и 1 февраля 1744 гг. (Пол<ное> собр<ание> зак<онов>. XI. № 8707; XII. № 9479). Ср. также указы 13 мая 1745 г. о запрещении раскольникам называться староверами и 2 декабря 1752 г., подтверждение указа 25 апреля 1722 г. о взимании с бородачей 50 рублей пени в год и ношении особой одежды с медными знаками (там же, XII, № 9155; XIII, № 10 053).
- д) С целью «обезоружить защитников бороды и рассеять сложившийся насчет ее предрассудок», в «Исторических, генеалогических и географических Примечаниях к Ведомостям» за 1741 год (ч. 14, 15, 16, 17, 18) помещена была обширная статья «О бороде и волосах». «Там приведены довольно подробные сведения, какие были добыты тогдашней наукой, о ношении бороды и волос у разных народов древнего и нового мира; в заключение же высказано потребное для данной минуты мудрое поучение, что “бороду не за надлежащую к украшению человеческого тела, но весьма за излишнюю часть оного почитать надлежит”. Кроме того, в различных местах статьи к слову обронены довольно язвительные замечания против бороды в таком, например, смысле, что “безбородый-де поп гораздо больше бородатых дураков разума имеет”, что, по слову авторитетного мудреца Плутарха, “в большой бороде не всегда большой ум бывает” и т. п.» **. «Раскольник» служил предметом осмеяния и в так называемых интерлюдиях ***. Отдал дань веку и Ломоносов «Гимном бороде» ****. Poleмика, вызванная этой язвительной и местами довольно грубой сатирой на раскольников *****, лучше всего показывает, насколько жизнен был в ту пору этот вопрос. Как известно, злободневность свою борода потеряла только в наши дни: еще в царствование Николая I ношение бороды было одним из признаков политической неблагонадежности и могло служить мотивом лишения человека свободы **.*.

* Описание док<ументов> и бум<аг> Моск<овского> арх<ива> Мин<истерства> юст<иции>. VII, 27, статья В. В. Нечаева.

** Михневич. История русской бороды (Историч<еские> этюды. II. 90). Экземпляра «Исторических примечаний» за 1741 год не оказалось ни в Императорской Академии наук, ни в Императорской Публичной библиотеке, что вынудило нас пользоваться статью о бороде через вторые руки. Ср.: Неустроев. Историч<еское> розыскание. С. 37.

*** Ср.: Русская интерлюдия в первой половине XVIII века (Летописи Тихонравова. II. С. 35—60).

**** Сочинения, акад. изд., II, 137.

***** См. там же, примеч., с. 158 и сл.

** Случаи с Ф. В. Чижовым и И. С. Аксаковым. Никитенко. Моя повесть о самом себе. 2-е изд. СПб., 1905. Т. I. С. 372, 391.

- е) О запрещении нюхать табак в церквях говорит Болтин в «Примечаниях на историю Леклерка» (I, 509—510).
- ж) «В числе розыскных дел тайной канцелярии времен Елизаветы встречается немало возбужденных по поводу протеста против бритья бороды и связанных с этим искажений древнего благочестия. По доносу многие лица, преимущественно из старообрядцев, отличались в «злодейственных непристойных рассуждениях и толкованиях», в таком обыкновенно роде: «Ныне-де в церкви несправедливое учение. Нынешние-де архиереи и попы и прочие люди имеют семь сатанинских грехов на себе: нюхают табак, бранятся матерно и, приходя в церковь, говорят о собаках. А люди-де бреют бороды, и церковь-де всем любодейцам и мерзостям и грехам земским мать. И первый-де император старOVERов мучил и которые-де замучены — все святы, и бил Ладожское озеро кнутом, и сына своего за христианскую веру казнил. И при Елизавете Петровне народ в пагубу идет от несодержания старой веры»*.
- з) *Тимирязев*. Борода Тимофея Архипыча // Русский архив. 1874. I. С. 612—620.
- и) *Щепкин В. Н.* Два лицевых сборника Исторического музея // Археологические известия и заметки. 1897. № 4. С. 97—102. Ср.: *Пыпин*. Петр Великий в народном предании // Вестник Европы. 1897. Август. С. 640—644. — Г-н Щепкин полагает, что рисунки Лицевого сборника возникли в одном из крайних раскольничьих толков, именно в секте бегунов (С. 98). Пыпин справедливо возражал на это, находя, что «представление о Петре, как об антихристе, было вообще до такой степени распространено в расколе, что приписать его преимущественно секте бегунов не оказывается возможным. И если это представление принадлежало и всяким другим толкам, то среди их возможно и составление и подходящих рисунков» (С. 644). К этому можно еще добавить, что самая секта бегунов (странников) возникла не ранее восьмидесятых годов XVIII столетия, между тем рисунки, как это доказывает г. Щепкин, были составлены еще до воцарения Екатерины II.

3) к стр. 675

- а) Об Иване Павлове см.: Исторические бумаги К. И. Арсеньева // Сборник отд<еления> р<усского> яз<ыка> и слов<есности> Акад<емии> наук. IX. С. 114—132).
- б) Неосторожные, зачастую прямо кощунственные пародии Петра на обряды православной церкви достаточно известны, чтобы требовать особых доказательств. Достаточно указать на шутовскую свадьбу князь-папы Н. М. Зотова «или, как на то время называли его, Князь-патриарха», которого венчал девяностолетний старец-священник и которого «народ» приветствовал возгласами: «патриарх женился! Да здравствует патриарх с патриаршею!»*; или на

* *Михневич*. Указ. соч. С. 107—108.

** *Голиков*. 2-е изд. IV. С. 289—290.

маскарад, где тот же князь-папа, встречая своих гостей, благословлял их у входа «по способу русского духовенства, давая таким образом в одно и то же время и папское, и патриаршее свое благословение» *. В числе атрибутов всепьянейшего собора находились глиняные фляги с колокольчиками, изображавшие собою панагии, «а вместо Евангелия была сделана книга, в которой несколько стклянок с водкою... И во время дня Вербного Воскресения также процессия отправлялась после обеда на Потешном дворе. Оной патриарх шутошной был возим на верблюде в саде набережной к погребу фряжскому... и во всю зиму до масляницы продолжал славление по всем знатым дворам на Москве и в Слободе, и у знатных купцов с воспением обыкновенным церковным, в которых домах приготавливали столы полные с кушанием, и где прилучится обедали все, а в других ужिनвали, а во оных токмо пивали. И продолжалось каждой день до полуночи и разъезжались всегда веселы» **.

При торжественном въезде царя в Москву, 21 декабря 1709 года, в день празднования Полтавской победы, в числе встречавших государя у триумфальных ворот, «являлись в белых одеждах юноши с венками на главах и вайями в руках, которые идя в сретение государю, пели приличные торжеству песни и полагали пред его величеством венки и ветви свои»; по окончании же речи митр. Стефана Яворского, «несколько отроков, одетых в белое платье, в виде ангелов крылатых, воспели песнь духовную приличную торжеству» ***. В этот день молодежь, толпами встречавшая царя на всех улицах и во всех переулках, бросала к его ногам ветки и венки» ****. На триумфальных воротах между многими аллегориями мифологического содержания изображена была «близ престола правды, вера христианская во образе девы с крестом Господним» *****.

- г) О «кораблях», т. е. санях, сделанных наподобие кораблей, неоднократно говорит Голиков^{6*} и Берхгольц^{7*}, описывая гулянья и маскарады, устраиваемые царем в торжественных случаях.
- д) В одной из рукописей XVIII столетия встречается уподобление Петра царю вавилонскому, ввергнутому трех отроков в пещь огненную^{8*}.
- е) Ср. выше примеч. 1, пункт г, о семидесяти новинах, искажающих, по мнению староверов, современную им русскую жизнь.

* *Берхгольц*. Дневник. Русск. перев. 2-е изд. Ч. I. С. 175.

** Архив Куракина. I. С. 71—72.

*** *Голиков*. 2-е изд. Т. XI. С. 364.

**** *Юль*. Записки. С. 121.

***** *Соловьев*. Т. XV. С. 356.

6* Деяния. 1-е изд. Т. VIII. С. 65—66.

7* Дневник. II. С. 66, 77 и др.

8* Описание рукописей Соловецкого монастыря, хранящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1881. Ч. I. С. 198.

4) к стр. 678

- а) Ср.: «Обличение на книгу Димитрия Ростовского, в полной свободе разрешающего в христианстве чинить богопротивное и гнусное брадобритие», — сочинение поморца Тимофея Андреева, умершего в 1808 году, 63 лет *. Сочинение Стефана Яворского, «Знамения пришествия антихристового и кончины века», в последний раз было перепечатано в 1843 году ** — значит, в нем чувствовалась еще надобность!
- б) О примирительном влиянии Екатерининского законодательства и о возникновении секты странников см.: *Розов*. Странники или бегуны в русском расколе // *Вестник Европы*. 1872. Ноябрь. С. 279—284. — Начатки примирительного течения, и притом в самом расколе, хотя по совершенно иным мотивам, можно проследить еще до воцарения Екатерины II. Когда в 1738 году староверам, поселившимся на р. Выге, угрожал разгром их общежитий и скитов за нежелание молиться за государей и называть их благочестивыми и благоверными, то выговские старцы порешили императрицу Анну Иоанновну в тропарях, в кондаках и стихах помянуть так, как где напечатано в книгах, тропарь «Спаси, Господи, люди твоя» написать по-православному. Оппортунизм этот встретил сильную оппозицию в раскольничьем мире, но не было недостатка и в защитниках нового взгляда. Е. В. Барсов говорит, что среди сочинений этой категории особенно выдается «Книга о молитии царей», составленная Даниилом Матвеевым: она «сильное влияние на умы раскольников, на моральное отношение огромной массы русского народа к Высочайшей власти» ***.
- в) Указ 8 февраля 1716 г. **** устанавливал двойной оклад с раскольников; что же до указа 2 марта 1718 года *****, то такового не находится ни в Пол. Соб. законов, ни в «Указах г. и. Петра Великого, состоявшихся с 1714 по кончину е. и. в-ва, генваря по 28 число 1725 году». Что, однако, он должен был существовать, косвенно подтверждает манифест 3 марта 1764 г., ссылаясь, по вопросу о двойном окладе, на ряд предшествовавших указов, между прочим, на указы «1716 года февраля 8 дня, 1718 года марта и октября 9» **.

* Раскольническая библиография Павла Любопытного // Библиографические записки. 1861. С. 435.

** *Пекарский*. Наука и литература. II. С. 78.

*** *Барсов Е.* Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVII века // *Труды Киевской Духовной академии*. 1866. Т. II. Июнь. С. 222—227. — Ср. другую статью Барсова: Петр Великий в его отношении к поморскому расколу (Русское обозрение. 1894. Январь; Чтения. 1894. I. Протоколы. С. 90—99).

**** П<олное> с<обрание> зак<онов>. V. № 2991.

***** Дата эта одинаково показана у Розова (с. 299) и Щапова (Земство и раскол // *Время*. 1862. Ноябрь. С. 260).

6* П<олное> с<обрание> зак<онов>. XVI. № 12 067.

- г) Чтобы понять, почему в категорию указов 1731—1745 гг. Евфимий отнес и указ 1764 г., напомним, что Екатерина II в манифесте 3 марта 1764 года запрещала называть раскольниками только тех старообрядцев (а равно освобождать от двойного оклада), «кои православной церкви не чуждаются и таинства церковные от православных священников приемлют, а только в застарелых и безрассудных некоторых по суеверию обычаях, не развращающих ни Слова Божия, ниже догматов и правил церковных, то оные не токмо от входа церковного и от таинств ее святаейшим синодом не отлучаются, но и за раскольников тем же синодом не признаваемы» * — очевидно, под это определение секта, образованная Евфимием, подойти не могла.
- д) О Евфимии и его учении см.: *Синицын*. Две записки 1853 года (Сборник правительств<енных> сведений о раскольниках, составленный Кельсиевым. Лондон, 1862. Вып. IV. С. 17, 112 сл.); *Щапов*. Указ. соч.; *Трефолев*. Странники // Русский архив. 1866. С. 610—625; другая статья того же автора в «Трудах Ярославского губернского статистического комитета» (Ярославль, 1866. Вып. 1. С. 155—268; *Аксаков*. Краткая записка о странниках и бегунах // Русский архив. 1866. С. 627 сл.; *Розов*. Указ. соч.; *Пятницкий*. Русский сектант в своей истории. Возникновение секты и первоначальная ее история по рукописи сектатора // Странник. 1884. № 5—7; *Вескинский*. Странники или бегуны // Правосл<авное> обозрение. 1864. Т. XVI. № 8; *Ливанов*. Раскольники и острожники. IV. С. 57—194 (компиляция, с обширными выдержками из сборника Кельсиева). — Сочинения Евфимия большею частью остаются еще в рукописях; ни число, ни даже наименование их до сих пор не установлены **. Некоторые составлены в 1784 и 1787 гг. Выдержки из главного труда, так называемого «Цветника», приводят (по разным спискам) Щапов (с. 259 сл.), Трефолев (с. 610 сл.); также и в «Трудах») и Розов (с. 295 сл.); печатные же выдержки из «Цветника», а также «Разглагольствия 1784 года» и «Послания к московским старцам 1787 года» приведены Кельсиевым (Вып. IV. С. 248—270). Новейшие работы о странниках принадлежат И. К. Пятницкому; см. ряд его статей в «Богословском вестнике» за 1906 год: «Секта странников и ее значение в расколе» (№ 3—4); «История секты с<траннико>в» (№ 7—8); «Учение с<траннико>в» (№ 9); «Смысл секты с<траннико>в» (№ 12).
- е) В дополнение к сказанному в тексте приводим для большей полноты воззрений Евфимия еще несколько положений из его «Цветника»: «От лета 7230, егда первым императором счинися опись народная, тогда он нача повсюду искати беглых, коего иску прежде не было, аще и мнози быша по пустыням скитающиеся отцы и близ неверных властей пребывающе, обаче акового злейшего их иску и гонения не бе; где же непрестанно содея враг всюду искати: онех

* Там же.

** Ср. несогласные обозначения их у Трефолева (Русский архив, 621; Труды, 179) и Розова (301).

бегствующих мира кватати и связав в темницах заключати, дондеже покори в область свою темную, ни старого бо и изможалого остави на воле своей спастися... сего ради и подвиг спасаемым оттоле претерпевый до конца спасется <...> И zde еще разумне вонмите вещь: егда бо оный император умысли еллинские и латинские и прочие языческие законы устаменяти, яко се: брады брители, платье немецкое носити, власы растити и плести косы, банты привязывати, петли на шеях имети, пукли связывати и лаверж салом намазывать, и мукою главу припутривати, и табак носом пити и устами курити, и со псы из единых сосудов ясти, и всякую давлению и звероядину употребляти, и прочая тако поганская деяти, а древние останки благочестивых обычаев до конца истребити — исполнися реченное: *и глад будет велик*. Тогда убо прежде сего ону преимуществую надо всеми власть упраздни, сиречь патриарше лице остави, яко хотяще в намерениях оных языческих дел ему препятствовати, и состави синод, сиречь собрание к рассуждению совокупы: четырех бо екзархов, поборников себе, в такое же присутствие тогда избра, папезского отрода сущих обливанцев и табачников и усоподсекателей: Стефана Рязанского, Митрея Ростовского, Федосея Новгородского и смоленского шляхтича *: сам же в них пятой седе, в лице оного патриарха рассуждати духовныя: и се являет сидение его в церкви жидовстей, жидовство бо не ино что сказуется, точию иде же истинного учения Христова не приемлют: тамо бо его распинают. И тогда убо оная духовная власть ничто же нача без повеления его действовати, яко же и ныне видимо есть: вся бо воля отъяся от духовных гражданскою властью; не могут бо воспретити и отлучити от своая церкви ядущих в посты и постные дни мясо и имущих жен наложниц, или в операх творящих беснование на воскресные и господские праздники, всеу бо о постех и воздержании и целомудрии и прочем проповедают. А еже обновляет он жидовскую церковь, есть сице: понеже при одной патриаршей власти, яко же древне правовернии, от всякого неподобного удерживахуся отлучением и наказанием, запрещахубося и епитимиею обличахуся грешащии и сие тяжко бремя отступником бе; он же абие пришед тако седе в церкви их и даде слабое и легкое им житие имети, еже вне оного наказания и запрещения им быти; епитимство бо оно и отлучение упраздни, и каждого, аще и зело тяжки грехи на исповеди сказующего, причащати своим агнцем повеле» **.

* Память изменила Евфимию (если только мы имеем дело не с испорченной редакцией текста): в составе новоучрежденного синода архиереев было только трое, «четвертого» же, Дмитрия Ростовского, давно уже не было в живых; кроме того, смоленским шляхтичем, под которым Евфимий разумеет, очевидно, Феофана Прокоповича, был Феодосий Яновский, Прокопович же был сыном киевского купца (*Чистович*. Феофан Прокопович и его время. С. 1; *Рункевич*. История Русской Церкви под управлением св. Синода. Т. I. С. 177).

** *Кельсиев*. Вып. IV. С. 263, 265—266; ср.: *Трефолов* (Русский архив. С. 619).

5) к стр. 682

а) «Собрание от св. Писания о антихристе», по разным спискам, напечатано в «Сборнике» Кельсиева (2-й вып. Лондон, 1861) и в «Чтениях» (1863. Кн. I) — в последнем издании под заглавием: «Выписана история печатная о Петре Великом. Собрание от святого Писания о антихристе». Щапов, поместивший небольшие выдержки в «Русском расколе старообрядства» *, называет это сочинение «челобитною», а Розов **, занося в разряд произведений «страннической» литературы, именует «Сказанием об антихристе, еже есть Петр I». Некоторые выдержки из «Собрания», и притом в стихотворной форме, у И. Добротворского (Русский раскол в его отношении к церкви и правительству // Правосл<авное> обозрение. 1862. Т. VII. С. 364—392). Сочинение Беляева «Кабинет Петра Великого» первым изданием вышло в 1793 г. Здесь, при описании мундира, в котором Петр был в Полтавском бою, автор замечает: «Взирая на сие простое одеяние его величества, не знаю, как бы не ощутил достоудобного к монарху сему благоговения и не сказал в сердце своем: Он бог, он бог твой был, Россия! Он члены взял в тебе плотские, сощед к тебе от горних мест! (Сочин<ения> Мих<аила> Ломонос<ова>. Ч. I. С. 26. Ода 4)» ***. Текст «Собрания о антихристе» вследствие массы повторений изложен крайне бессвязно и путанно; несомненно, мы имеем дело с неумелою сшивкой нескольких редакций одного и того же сочинения. Вот почему упоминание в тексте 1819 года может служить указанием лишь на время окончательной редакции сочинения, не более. Последнее, впрочем, не дает еще права утверждать вслед за Кельсиевым ****, будто бы «Собрание о антихристе» есть произведение петровской эпохи или, как выражается анонимный автор статьи «Состояние русского раскола при Петре I» *****: «Надобно думать, что сочинение... первоначально явилось в виде более кратком и явилось еще во времена Петра I». Автор статьи в «Христианском чтении» обращает внимание на выражения такого рода: «В силу указа вашего императора и его законоуложения и ревизии не *пишемся*»; «по закону *вашему* судите нас... отнесите *ему* от нас ответ или представите нас самих к *нему* на лицо: тогда *мы* пред *ним* отвечать не постыдимся» и проч., причем в словах «ему», «к нему», «пред ним» видит указание на императора Петра: «Конечно, — говорит он, — подобные обращения уместны только при жизни того, к кому они направлены». Соображения эти убедительными нам, однако, не кажутся. Живость речи в разбираемом сочинении произошла не от «современности» событий, а от душевного подъема сочинителя, от *жизненности* для него

* С. 106—109, 468, 478, 482, 490.

** Странники или бегуны в русском расколе // Вестник Европы. 1872. Декабрь. С. 539.

*** Беляев. Изд. 1800 г. С. 35.

**** Вып. II. Предисловие. С. XVII.

***** Христианское чтение. 1863. Октябрь. С. 219—220.

самых явлений, — животрепещущий их характер и повлиял на слог, сбив повествовательную речь местами на монолог. Кроме того, в изложении чувствуется известная историческая перспектива, благодаря которой сочинитель охватывает в своем представлении все крупные факты петровского царствования, ненавидящие расколу, — сделать же это было не так-то легко в 1721—1724 гг.; наконец, «современность» выражений, оказывается, даже синтаксически связана с явлениями, которые могли иметь место не ранее конца XVIII столетия: «Зрите, человецы, и вонмите и рассмотрите по святому Писанию, в коих летах жителствуем и кто *ныне* обладает вами; *ибо* дух Петров царствует во всех до скончания века, яко свидетельствует книжка “Кабинет Петра”; *ибо* дух государей российских есть дух Петра Великого и есть дух самого Бога» *. Далее читаем: «И той лжехристос... прииде на престол всероссийский в 1721 году, принял на себя титулу патриаршескую, назвася отцом отечества и императорства августейшаго... *и так нача* паче меры возвышати ся той лжепомазанник и восхити на ся не точию царскую власть, но и святительскую, и Божию... *нача* гонити, и лстыти, и искореняти остаток в России православныя веры и свои новые умыслы уставляя... состави многия регламенты... устави сенат и синод, и сам бысть над ними главою и судиею главнейшим, и тако *нача* той глаголемый Бог паче меры возвышати ся... учини народное описание». Тон и все построение этой длинной фразы, которую мы привели здесь со значительными сокращениями, думается, тоже сложились на почве ретроспективного обзора того, что отстоит уже на известном расстоянии, чем на почве непосредственного отражения вчерашнего дня. В дальнейших строках, *непосредственно* связанных с только что приведенным местом, указание на народную перепись автор подкрепляет ссылкой на «Дополнение к Деяниям» Голикова и также *непосредственно* вслед за этим говорит: «Таковому лжехристу в послушество отдатися не хотим и в книги его законопреступные писатися с нечестивыми никогда не будем, да и хотящим спастися никому не советуем» **. Таким образом, местоимение «мы» и постановка глагола в настоящем времени еще не есть признак петровской эпохи; что же до вышеуказанного отождествления слов «ему», «к нему» с личностью Петра, то и это не верно: речь идет об *антихристе* и о тех, кто его воплощает в *данную* минуту, что станет ясно, если соответственную фразу читать в связи с предыдущими и последующими — достаточно, впрочем, указать на следующие строки: «По закону вашему (т. е. ныне действующему, изданному по воле антихриста и слуг его) судите нас и творите, что хотите, а мы в силу указа вашего властодержца и его повеления (этим властодержцем мог быть одинаково свободно и Петр Великий, и Александр I) не пишемся. Отнесите ему от нас ответ или представите нас самих к нему на лицо: тогда мы пред ним отвечаать не постыдимся и правду глаголати не устрашимся; *ибо российские*

* Чтения. С. 59.

** Там же. С. 58—59.

императоры от Петра и до скончания века, все приемники престола его исполнители законов оного, разных его узаконений, жив образ его пишущие» *. Злободневность свою «Собрание от св. Писания о антихристе» не утеряло, можно сказать, и до наших дней. Конечно, этим только надо объяснить появление в духовных журналах полемических статей, направленных против него. Ср.: Замечания на резкие отзывы раскольников о Петре Великом // Правосл<авный> собесед<ник>. 1868. Сент. С. 82—91. — Между прочим, возражая на упреки, будто Петр в императорском титуле скрыл буквою «М<>» свое звериное число, анонимный автор указывает, что таким путем можно с одинаковым основанием утверждать, что и «Андрей Дионисьевич князь Мышьцки» ** скрыл за буквою Ц свое антихристово состояние (с. 88).

- б) О Москвине см.: *Щапов*. Земство и раскол // *Время*. 1862. Ноябрь. С. 284—285, 289 и сл.; *Розов*. Странники или бегуны в русском расколе // *Вестник Европы*. 1873. Январь. 278 и сл. «Апокалипсий» известен нам в далеко не полной и не спокойной передаче — в докладной записке Н. И. Надеждина, составленной, вероятно, в 1840-х годах (Раскольничий Апокалипсий // *Чтения*. 1872. Кн. III). Ср.: Раскольничья сатира прошлого века // *Летописи р<усской> литературы* Тихонравова. Т. V. Отд. 3. С. 42—43 (упоминание об «*Адской почте*» заставляет относить это произведение ко второй половине XVIII ст.).
- в) «Книга о случаях последнего времени» входит в состав обширного рукописного «Раскольничьего сборника Императорской Публичной библиотеки» (Ф. I. № 453), представляющего собою громадное in-folio в деревянном переплете, 418 листов александрийской бумаги, с многочисленными (до 120) рисунками в красках, живописными заставками и заглавными буквами. Описание сборника см. в отчете Императорской Публичной библиотеки за 1867 год (С. 138—143); по его определению, он написан полууставом второй половины XIX столетия. На первом, клеенчатом, листе штампель бумаги: «Фабрики Костромской губернии кинешемского 2-й гильдии купца и почетного гражданина Ивана Степанова Коновалова. Четвертый сорт». На лл. 180 и 181 находятся раскрашенные рисунки о Гоге и Магоге, где, между прочим, дано изображение гибнущих еретиков — последние одеты во фраки покроя 20—30-х годов XIX столетия, с широким воротником, металлическими пуговицами; крахмальный воротник рубашки стоячий, большой и острый; на ногах полусапожки. — На лл. 230 об.—310 об. помещена «Книга о случаях последнего времени. Титин потрясет вельми, хзс [666]. Книга первая о соборнейших отступлении и о частных неких вин ради соборных оных разделении. Сочинися ползы ради многих». Цель «Книги» разъяснена в «Предисловии к читателю» (лл. 231—233): автор взялся за перо для того, чтобы дать верую-

* Чтения. С. 68. Ср.: Стих об антихристе // *Летописи р<усской> литературы* Тихонравова. Т. III. Отд. 3. С. 15—16.

** Сумма букв без «Ц» равна 666.

щим людям точку опоры в борьбе с антихристом. «Но понеже се зело время по ослаблению народного наклонения поступает, и правда законная в христианстве оскудевает, и в презорства все полагается, от чего Боже пощади, да и нас новшества не объимет. Тем же во обегательство христианского спасения, а наипаче видения ради церковного разума святых, намерения восприях сочинити книжицу сию и разделить ю на три части: в первой части о антихристе, во второй части о соборнейших отступлениях, в третьей части о смущении и недоумении и разногласия правоверных простаго народа, от вин главных отмен. И такое основание о сих заложих, помощи прося от Господа поступаю в самыя намерения действия» (л. 233). Непосредственно вслед за этим, л. 233 об.: «Книга первая, часть а, о антихристе. В разном доказательстве священнаго Писания: сказание святаго Андрея, архиепископа Кесарии Каппадокийския от Апакалипсии святаго Иоанна Богослова». Несмотря, однако, на это заявление, в дальнейшем изложении деление на части не соблюдено, и вся «Книга», вплоть до конца (л. 310), состоя из довольно большого числа глав, не имеет ни второй, ни третьей части.

Время составления «Книги о случаях последняго времени» придется отнести к последнему году царствования императрицы Елизаветы, если опираться на нижеследующие слова: «И зри убо: аще вериши учителем, то что сие антихрист оуже а западных церквах наста, якобы рещи, по се настоящее лето Христово ацѣа [1761], преїде до нас более девяти сот лет, а чювственнаго прихода и о убїенїя Илїи и Еноха не слышїтся» (л. 260).

Вся вторая половина «Книги» посвящена Петру Великому. В главе «О чудотворениях антихристовых» (л. 272 и сл.) между прочим читается: «Подобне и о прорїцанїи Илїи и Еноха, и о жене гонїм[ой] от змїя оного, та ж разумети, оба имут прорїцати днїи ас и љ, оба имать бегати от лица змїева, таяжде асѣ днїи, еже есть г лета и месяцей шесть. Обаче убїенїе онех пророк содеяся в последнїх сїх временех зде, в великороссїйском государствїи, во время настатїя перваго императора, народнїя его описи, кои назнаменася последнїи быти антихрист, по свидетельству святаго Кирила Иерусалимского, ибо рече: во имя Симона Петра имать вستی гордый князь мира сего антихрист, им же они пророцы Илїя и Енох оубїенїи быша, и труп их остави он не погребен лежати на стогнах града великого, иже нарицается духовне Содом и Егїпет, идеже и Господь наш распят бысть. Но за многоглаголанїе (сбоку прибавлено: «и величество того») о сем оумолчу, ибо аще кто хотяї сїя взыскати, всяко в книзе сей обряцете» (л. 279). Чтобы не было никаких сомнений, о ком именно идет речь, тут же (на л. 279) нарисован поясной портрет Петра Великого, в красках, очень тонкой работы. Царь изображен в латах (розовые, с желтыми краями), в ленте (синяя), в небольшом жабо (белое), поворот головы в три четверти; изображение по типу напоминает портрет Петра 1717 г., работы Леруа (Le Roy). «Знаменїя» антихриста дают автору повод (все в той же главе о «чудотворениях») сказать: «Тако и зде, в Великороссїйском державствїи, он последнїи антихрист мечтанїем бесов-

ским предивительные чудеса присно творити обыче, иже в комедиях и паратах и в прочих потешных строях бываемая, елико в чудо и оудивление приводити прельщенные» (л. 280).

Глава «О злополучении времен антихристовых», последняя из всех, на какие разбита «Книга о случаех» (л. 289 об.—310 об.), является своего рода оценкой того положения, какое создала государственная деятельность Петра Великого. В начале передается диалог между автором и его собеседником; речи последнего подведены под рубрику *Вопрошая, Требуяй*; речи первого отнесены к рубрике *Отвещаваая, Извещаай*. Автор долго отнекивается от выполнения разъяснить вопрос об антихристе, но, наконец, сдается (л. 289 об.—291) и переходит к толкованию пророчеств об антихристе (л. 291—295 об.). Но это пока только предисловие; от рассуждений об антихристе вообще автор переходит к явлениям антихристов в русской жизни. Изложение на этот раз ведется уже в форме не диалога, а толкования пророчеств св. Ипполита: каждое пророчество, по этому толкованию, приурочивается к тому или иному распоряжению Петра Великого или вообще к явлениям, прямо или косвенно связанным с именем царя (л. 295 об.—310 об.). Надо заметить, что излагает свои мысли автор довольно туманно и следить за их развитием не особенно легко.

- г) Краткое описание сборника Ф. I. № 453 см.: *Сахаров Н.* Старорусская партия и раскол при императоре Петре I // *Странник.* 1882. № 3. Здесь между прочим читаем: «Замечательно, что автор, пользуясь словом Ипполита об антихристе, старается и все приметы последнего приложить к личности Петра. Проследим некоторые любопытные его сближения: “Повелением бо его (сиречь, сатанинским) вся земля и море послушают... и вси тесноты ради пищныя к нему приидут и поклонятся ему (сиречь диаволу) и даст им знамение на десней руке и на челе”. Под “теснотую пищною” раскольник понимает не лишение телесной пищи, но пищи духовной — душевный глад, и исполнение этого видит в царствовании Петра, именно: в обложении раскольников двойным окладом. Запись в двойной оклад он считает “поклонением лстецу и гонителю”, и записаться в него значит не более, как “вдаться в область оному лстецу и гонителю тесноты ради пищныя”. Исполнение слов Ипполита, что антихрист даст верным “снеди малыя”, он видит в распоряжениях, которыми раскольникам запрещалось проповедовать свое учение. Слово Ипполита, что антихрист будет разыскивать всех верных, убежавших в горы и вертепы, он прилагает к тем распоряжениям Петра, где он приказывает ловить всех раскольников, убежавших от записи в двойной оклад» (с. 370). Нет ли в этих толкованиях «Раскольничьего сборника», особенно где речь о ловле, некоторого сходства с данными, приведенными у г. Щепкина (примеч. 8, пункт и)? Может быть, даже и «Лицевой сборник» есть одна из редакций или переделок настоящей рукописи?
- д) В том же сборнике находятся еще две статьи, имеющие близкое отношение к затронутому вопросу. «О ложном мудровании» (л. 390—396 об.) направлено против своей же братии, инакомыслящей, на

тех, кто пошел на компромисс и согласился признать законность существующих властей. «Понеже они, староверцы, егда при Петре Первом отступили и в двойной оклад вышли, и в раскольники сами себя записали и отступниками нарекли, и егда Неофит спросил их о императоре и о прочих российских людех, как их разумеете, отступникам ли причитаете или каковым любо еретикам равняете, и они на то ответ творили сице: **ив пи**. Мы его благочестия не испытуем и не судим, но Господа Бога за него молим, за его вседержащия десницы Божия поставленному, и славою и честью венчанному. А что его ко отступником или еретиком причитати, не точию глаголати, но и слышати не хотим и произносить таковых словес ужасаемся». Автор никоим образом не может примириться с таким взглядом: «И не мало его нечестия не обличали, а сами свою веру в поругание отдали и имя христианское с себя сняли, вместо того раскольниками записали и отступниками. Тако и до днесь пребывают и секту на свою веру положили». Между тем, когда Григорий, ученик Василия Нового, находясь в дороге с жидом, похвалил иудейскую веру, то Бог тотчас же лишил его своей благодати; точно так же и ученик Паисия Великого, допустивший в разговоре с жидом возможность, что христианская вера не правая, лишился образа Божия и благодати св. крещения — «за едино слово реченое просто, а не запискою отвержение». В прологе за январь месяц рассказывается-де об одном монахе, что из уст его вылетела в виде голуба благодать Божия единственно лишь за обещание отказаться от веры христианской. «Тако и zde ради отвержения веры христианския и записания ради, сами ся в раскольники и отступники не дивно лишитися благодати Божия; понеже не мощно христианину и рабу Божию бысть егда антихристу в повиновение предается» (л. 393 об.—394). — В том же духе и «Книга Иосифа Волоколамскаго о поклонении царю, или князю, или друг другу» (л. 395 об.—399).

б) к стр. 684

- а) О картине см.: *Розов*. Указ. соч. (Вестник Европы. 1873. Январь. 277); предание в деревне Талицах и о Елизавете Петровне, как «не прямой царице» см.: *Мельников*. Историч<еские> очерки поповщины. С. 75—77; «обновление» антихриста см.: *Фармаковский*. О противогосударственном элементе в расколе // *Отеч<ественные> записки*. 1866. № 24. С. 633) и *Розов*. С. 282—283; федосеевец Ермаков — см.: *Сборник Кельсиева*. Вып. I. С. 219—221; аналогичные показания применительно к личности императора Николая Павловича — там же, вып. 4, с. 284 и сл., 337; *Варенцов*. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 176, 197 (Песня об Аллилуевой жене и Песня морельщиков). В 1840-х годах среди федосеевцев сложилась такая легенда: «Петр Великий обещал дьяволу на Сухаревой башне обрить бороды христианам, дабы исказить образ Божий; по сие время не впускают никого в комнату на той башне, в которой это обещание он принес, выпросив у дьявола разныя на-

уки, и каждый государь, вступая на престол, печатает вновь своей печатью дверь этой горницы» *.

- б) О сопелковцах см.: *Розов* (Вестник Европы. 1873. Январь. С. 288—289); о Павле Любопытном см.: Сборник для истории старообрядчества. Изд. Поповым. Т. II; *Костомаров*. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. Апрель. С. 504; см.: *Михневич*. С. 101, выбор пословиц о бороде, сделанный у Даля и из «Письмовника» Курганова. О несогласиях в секте странников см.: *Пятницкий*. Русский сектант в своей истории // Странник. 1884. № 7. С. 517 и сл.

7) к стр. 686

- а) Сборник Кирши Данилова, изд. Императорской Публичной библиотечки. СПб., 1901. С. 123, 133; Песни, собранные Киреевским. Вып. 8 (М., 1870), весь выпуск, особенно с. 35, 284, 287, 261, 47, 60, 118, 220, 130, 17, 342—344; вып. 9 (М., 1872), приложение, с. III—XLI; *Лавровский П.* О Петровских песнях // Филологические записки. 1872. Вып. I—III — по поводу предыдущего издания (с. 14—15), с вескими соображениями касательно невозможности все песни, вошедшие в сборник Киреевского, считать относящимися к эпохе Петра I; *Орлов А.* Песня и повесть об Азове // Старина и новизна. СПб., 1905. Кн. 10. С. 274—282; *Грот Я К.* Петр Великий как просветитель России. СПб., 1872. С. 42—44; *Пыпин А. Н.* Петр Великий в народном предании // Вестник Европы. 1897. Август. С. 672—690: статья, вошедшая в его же «Историю русской литературы» (2-е изд. СПб., 1902. Т. III. Гл. VII); *Стражев В.* Петр Великий в народном предании // Этнографическое обозрение. 1902. № 3. С. 94—121: о сказках, народных преданиях, песнях солдатских и раскольниковых; *Трофимов М. В.* Петр Великий в русской поэзии. СПб., 1903; *Садовников Д. Н.* Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884. С. 371—377; *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. I. С. 380—402 (№ 23—29); *Симони П. К.* Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 годов. СПб., 1903 (отт. из «Живой старины». 1903. Вып. I—II). Легенда о Петре Великом (Голос. 1872. 21 июня. № 52: предание о том, как Петр, рассердясь на море, приказал высечь кнутом воду).
- б) Личность Петра ярче всего запечатлелась на севере России. — См.: 1) *Петров К.* Присловья в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1860. № 33. С. 130 (объяснение поговорки «Вытегоры — воры, Петра I камзол украли»); 2) о том же, со ссылкой на вышеуказанную статью, говорят и «Народные присловья о городах и племенах Олонецкого края» (Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 88); 3) *Трошков П.* Пребывание Петра Великого в пределах Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1895. № 100: царь велит казнить дерз-

* *Титов*. Дневные записи правительственного дозора о московских раскольниках // Чтения. 1886. I. С. 124.

кого вытегорца, слушавшего чтение его указа стоя, в шапке и рукавицах; просьба отца о помиловании, предлагавшего грудю золота величиною в рост виновного, отвергнута; на месте казни на эти деньги выстроена церковь. — Другое предание: о происхождении фамилии Обрядиных, за то что «обрядились», украв царский камзол. С тех пор за вытегорцами кличка: «Вытегоры — воры»); 4) Народные рассказы о Петре Великом (числом пять) // Олон<ецкие> губ<ернские> вед<омости>. 1872: а) № 8. 29 января. С. 89: О поезде Петра I в Соловки (сообщ. Е. Барсов, перепеч., с его комментарием, в «Беседе» 1872. № V); б) № 36. 10 мая. С. 399: Встреча Петра I со шведами на Ладожском озере (сообщ. П. Минорский; перепеч., с комментарием Барсова, в «Беседе»); в) и г) № 37. 13 мая. С. 409: Лысая голова (Лисья голова), порог на р. Свири (сообщ. Минорский); Встреча Петра Великого с священником (сообщ. С. С-л-в); д) № 73. 20 сентября. С. 842: Пребывание Петра I в Святозере (сообщ. свящ. П. Ильинский); 5) Барсов Е. В. Петр Великий в народных преданиях Северного края // Беседа. 1872. Май. С. 295—312); 6) Он же. Петр Великий в сказках Северного края // Труды этногр<афического> отд<еления> общ<ества> естеств<ознания>, антроп<ологии> и этногр<афии>. Кн. IV); 7) Петр I — святозерский каму // Олон<ецкие> губ<ернские> вед<омости>. 1903. № 53; записано Е. В. Барсовым); 8) Царь Петр и хитрая жена, в сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1908. Т. XXXIII. С. 135. 9) Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901. С. 59—63 и особенно 296—303: «Семейная жизнь Петра I», большая песня в 316 стихах; 10) былина о девяти братьях-разбойниках, записанная Е. В. Барсовым (Олон<ецкие> губ<ернские> вед<омости>. 1867. № 14; здесь же и другая былина о царевне Софье и кн. В. В. Голицине); 11) легенда о том, как Петр Великий хотел на коне перескочить через р. Неву [из «Олон<ецких> губ<ернских> вед<омостей>»; перепечатка в «Новом времени» (1903. 15 мая. № 9767) и в «С.-Петербургских ведомостях». 1903. 20 мая. № 135]; 12) Майков В. Н. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1874; 13) Он же. Осударева дорога в Повенецком уезде Олонецкой губернии // Древняя и новая Россия. 1876. № 2; перепеч. в «Олонецком сборнике». Петрозаводск, 1886. Вып. 2. Отд. II. С. 25—34; 14) Он же. Петр на Олонце // Дело. 1883. № 6—7; 15) Солнышкова А. Посещения Петром Великим Петровских заводов и память о нем в народе // Олон<ецкие> губ<ернские> вед<омости>. 1903. № 52; 16) сюда же можно отнести позднейшую по времени (записано в 1893 году) «Песню об основании Петрозаводска» (Олон<ецкие> губ<ернские> вед<омости>. 1902. № 79); 17) А. Г-в. Осударева дорога // Мирской вестник. 1879. Апрель: остатки мостов, построенных, по велению государя через речки Машозерку и Мурому, местное население и до сих пор объясняет тем, что «осударь изготовил сваи под железную дорогу, да швед ему помешал, а то бы давно здесь железная дорога ходила» (с. 52); 18) С(енигов) И. Северное предание о царе Петре и о нравственном-

религиозном воспитании войска, славного победителя в Полтавском бою непобедимых шведов. СПб., 1909.

В этих северных сказках и былинах не без основания находят, что они, рисуя личность Петра в привлекательном свете, в общем носят отрывочный характер, не успев отлиться в законченные художественные формы; что оне сохранили память о Петре, лишь как о человеке, но не создали типичного облика Петра как государя, не дали цельного и выпуклого образа, присущего народным героям*. Действительно, даже там, где народная мысль, по-видимому, с особенным вниманием останавливалась на Петре, она не сумела запечатлеть и осмыслить государственной его деятельности, ограничившись одной только личной и семейною его жизнью. Такова вышеуказанная песня в 316 стихов из записей Маркова. В ней (по словам Всева Миллера, написавшего предисловие к изданию Маркова) «мы находим в своеобразной народной переработке биографические данные: рождение Петра I, женитьбу его на Настасье — королевичне (= Евдокии), рождение царевича Федора (= Алексея), столкновение отца с сыном, являющимся сторонником старой веры, смерть царевича, пострижение его матери в монашество, занятие Петра плотничеством, знакомство с Екатериной Алексеевной и вторичную женитьбу» (С. XIII). Таким образом, человек заслонил государя и, лично для Петра, нельзя сказать, чтобы в ущерб ему: в «Семейной жизни», на всем описании, лежит радостный, светлый отпечаток, и разве только в одном месте прозвучит некоторым диссонансом осуждение (да и то скорее скрытое, чем явное) Петра за его отношения к церкви, что вполне понятно для песни, родившейся на старообрядческом севере. Песня радуется рождению Петра; с дозволения отца он строит город «Питенбург», отец женит сына на шведской Настасье — королевичне; у них рождается сын — все эти факты рассказаны как явления положительные, хорошие. Но вот «люди премудрые» предупреждают Петра, что сын учинит ему измену:

Он ведь сделать-то тебе, верно изменушку,
Он изменушку тебе, да он твоей веры,
Он ведь будет править верушку старинную,
Он старинушку будет веру богомольною,
Богомольню хранить верушку спасеную.

Коллизия возникает, действительно, на почве религиозной; сын говорит отцу:

Не держи-ко ты, не варуй веры папиной,
Ты не варуй-ко иши да веры дедовой;
Отврати-ко-ты ведь верушку к себе назад,
Ты поверуй-ко-се в веру-ту все в праведка.

* *Стражев*. С. 100. — Ср. «видения» и «сны», связанные с именами Петра и воронежского святителя Митрофана: и тут чувство почтения, но безотчетное, не оправданное сознанием. *Поликарпов Н.* Об отношениях святого Митрофана к царю Петру Великому // Воронежская старина. Воронеж, 1904. Вып. 4. С. 49—50.

Сыну отрубили голову; мольбы матери не помогли, ее самое заточили в монастырь, а Петр, пять лет спустя нарядился плотником и взялся за топор. Плотникам готовила кушанье вдова Екатерина; Петр зовет ее в жены; та предварительно спрашивает совета у плотников. Во время венчания Петр сбрасывает с себя плотничий костюм, тогда все узнали, кто он такой, и пошел пир свадебный... И все это рассказано в радостном, веселом, торжественном тоне.

- в) Довольно безразлично отнеслась народная песня и к пострижению первой жены Петра Великого; см. варианты песни об этом пострижении: Песни Киреевского. Вып. 8. С. 106 и сл.; Записки Академии наук. Т. V. Кн. II. С. 203—207 (заметка Пекарского); Заря. 1870. Кн. 9. Прилож. С. 330 (заметка И. П. Шулгина, не вошедшая в отдельное издание приложений, в «Памятники новой Русской истории»). Песню о пострижении пел канонер Носов; «дело» о нем, производившееся в 1729 г., напечатано Пыпиным (Известия отд<еления> рус<ского> яз<ыка> и слов<есности>. СПб., 1900. Т. V. Вып. II). Ср.: *Перетц В. Н.* Современная русская народная песня. СПб., 1893. С. 11—17: «Самая песня создалась гораздо раньше» пострижения царицы, а потому не может иметь к ней отношения. Иное толкование у А. Лященко: «Никто не станет безусловно утверждать, что песня эта должна быть непременно сочинена несчастной царицей. Быть может она только приурочена к имени царицы Евдокии; но приурочение это сделано так удачно, что в песне нет никакого противоречия действительно бывшему» *. Легенды, рисующие разлад Петра с сыном, слагаются уже в 1705 году **.
- г) По поводу слов песни, приведенных у нас в тексте: «Ты зачем, государь-царь, черня-т раззоряешь? Ты зачем больших господ сподобляешь?», Лавровский заметил: «В этом обращении, по нашему мнению, также должно видеть позднейшую вставку, как потому, что она не подтверждается ни одним из одиннадцати вариантов, так и потому, что последняя половина обращения — к большим господам — не применима к царю, уничтожившему, наоборот, всякие сословные привилегии в царском сподоблении; притом такое обращение противоречит и общему представлению народом царя, выражаемому в песнях» (С. 17). Однако можно сильно сомневаться, чтобы для народа был ясен уравнительный принцип, положенный Петром в основу сословного деления русского общества, уже по одному тому, что *на деле* положение низших классов в его время было крайне тяжело и «раззорительно»; правительственные же мероприятия преемников великого государя, с явной тенденцией к «сподоблению больших господ», тем более могли помешать правильному взгляду на дело. С другой стороны, даже и как позднейшая вставка, слова эти имеют свою историческую ценность: известно, что чем ближе народному сердцу герой его песен, тем труднее ложатся на него темные тени, тем более симпатичным и задушевым рисуется он воображению.

* Заметки по изучению современной народной песни. СПб., 1894. С. 5.

** *Пекарский*. История Акад<емии> наук. 1. С. 357, примеч.

д) Всесторонний анализ народного песнотворчества, посвященного личности Петра Великого, пока еще впереди. Издатель «Петровских песен» Безсонов находил, что народное сознание сумело возвыситься до уровня своего великого императора: если «почти на каждом шагу» песня упоминает о «грозной службе государевой», о «частых-дальних походушках», о «бедных головушках солдатских» и т. п., то тут проявилось одно *личное, частное* горе, безо всяких жалоб на самую службу, как на зло, обиду и неправду. «Государственные и народные интересы, высоко поднятые и поставленные Петром Великим, отозвались сознательным высоким возбуждением в самих песнях его поры, побуждая народ при крупных образах творчества опускать из виду все личности, частности и мелочи, или же допускать их *только* в качестве частных и мелочей» *. К этому взгляду, по-видимому, примыкал и Пыпин **, находивший, что, «несмотря на всю великую тяжесть, какую отозвалась эпоха преобразований для народной массы, народная поэзия, насколько она до сих пор известна, почитает в Петре великого православного царя» ***. Согласиться с таким мнением можно лишь с большой оговоркой. Сравнительная бедность содержания петровских песен не оспаривается, кажется, никем: «За исключением солдатских песен, представляющих во всяком случае свою особую область, мы находим большую случайность и неполноту в составе исторических моментов, на которых останавливается песня. По внешнему объему собственно военные песни, с их специальным интересом, занимают почти две трети целого собрания; очень невелико количество тех песен, предмет которых составляет именно личность самого Петра и его действия» ****; «вся внутренняя сторона деятельности Петра, превывшавшая разумение народа: вся его образовательная реформа, все его широкие политические замыслы, самый общий смысл сближения с Западом — все это, как непонятное и недоступное для народа, не вошло в песню» *****; не вошли туда и такие явления жизни, как «раскол старообрядства или резкое устранение земства из участия в общих делах... изменения в крестьянских отношениях, потрясения в экономическом быте, наплыв иностранцев и тому подобные явления» 6*. Объяснить эту бедность более ускоренным темпом государственной жизни, тем, что «масса народа всегда консервативная, тяжелая и медленная в своем движении, совершающемся по общим законам органического развития, не только не могла следовать по новым и необычным путям, отстала, но даже и прежнее движение ее по старой дороге, без преж-

* Песни, собранные Киреевским. Вып. 8. С. XXV—XXVI.

** Петр Великий в народном предании // Вестник Европы. 1897. Август. С. 675—676 (Ист<ория> р<усской> лит<ературы>. III. С. 329—220).

*** Там же. С. 690 (Ист<ория> р<усской> лит<ературы>. С. 341).

**** Там же. С. 682 (Ист<ория> р<усской> лит<ературы>. С. 333).

***** Лавровский. С. 29.

6* Безсонов. С. XI.

него руководства и направления, замедлилось»; что «впечатления слабели и исчезали быстро, сменяясь новыми и глубокими, и народ, при всей своей устойчивости, не имел времени на них остановиться и обработать их в песню» * — было бы если и не ошибочно, то все же недостаточно. В указанном процессе едва ли не большую роль следовало бы отвести несочувствию к самой личности Петра. Монархический принцип мог не сознаваться как таковой, но в душе народной он внедрился прочно и глубоко. С именем государя неразрывно связывалось представление о нем как о выразителе общественного блага, хранителе национальной святости, и вот почему для тех, кто бесповоротно не разорвал с этой идеей (признавши Петра антихристом), оставалось одно: закрыть глаза на совершившееся «зло», молчаливо глушить назойливые, щемящие вопросы. Вот где, думается, следует преимущественно искать объяснений той двойственности, неопределенности петровской песни, которая бросается в глаза позднему наблюдателю. В большей части этих песен, как справедливо указывал еще Лавровский, «неволью замечается некоторая бледность красок, слабость очертаний, какая-то непрочность, шаткость мысли, какая-то принужденность, недостаток свободы в поэтическом изображении, незавершенность, недостаток выработки в самой форме и выражении» **. Да, русский народ простил Петру, сумел признать, что в основе его деяний *должна* была лежать внутренняя правда, так как ничего дурного не может исходить от лица государева; ну в чем собственно заключалась это самая правда — это едва ли он себе уяснил. Отсюда-то вся это растерянность, «бледность красок», серьезно-печальная нота и грусть больного, неудовлетворенного сердца.

- е) Народная песня то с эпическим спокойствием расскажет, как казаки плывут из Волги-реки по Камышинке, поют песни и

Они хвалят, величают православнова царя,
Православнова царя, императора Петра ***,

то прольется жалобой на тяжелую службу, на дальние походы, — жалобой, в которой, «нельзя, конечно, не видеть скрытого и робкого упрека по адресу Петра» ****; и если голос народный, как мы сейчас видели выше, обвинит царя в «раззореньи» «чернят», в «сподобленьи больших господ», то он же, устами вора Бармы, обрисует Петра как противника этих «господ», как защитника интересов государственных, в противовес интересам классовым *****. Нельзя не отметить и того, что тот самый Андрей Денисов, что полемизировал с Стефаном Яворским по вопросу о пришествии анти-

* Лавровский. С. 31—32.

** Лавровский. С. 30.

*** Исторические песни, касающиеся событий Новгородского края // Зап<иски> Одесск<ого> общ<ества> истор<ических> древн<остей>. Одесса, 1875. Т. IX. С. 453.

**** Стражев. С. 107.

***** Симони С. Сказки.

христа, пишет этому «антихристу»-Петру «Панегирик», в котором прославляет «особенное его покровительство старoverческих церквей и всех старообрядцев»*.

ж) Народная песня петровского цикла (по крайней мере насколько можно судить о ней по наличности собранного материала) посвящена преимущественно военной деятельности царя — походам его под Азов, борьбе с Карлом XII: на этой почве народной массе легче было подметить и признать положительную сторону царствования Петра. Но как далеко восходит по времени это признание? Можно ли искать его уже среди современников, невольных участников того движения, в какое привела страну непреклонная воля русского императора? В. В. Стасов отвечал на это утвердительно, находя, что кроме протеста и сатиры, «было у русского народа того времени еще и другое отношение: отношение одобрения, симпатии, похвалы и наивысшего удивления». Так думает он, основываясь на двух лубочных картинках: «Бой Ильи Муромца с Соловьем Разбойником» и «Побоище царя Александра Македонского с царем Пором индийским». В первой картинке личность Ильи Муромца схожа с тем портретом Петра, что находится в известной гравюре**, изображающей Полтавскую баталию. «Поворот тела и движение коня, поворот тела и головы самого Петра, форма его шляпы, кафтана, ботфорт, пистолетов у седла, форма чепрака с закругленными углами, движение правой руки, держащей шпагу, длинные волосы, подобранные наподобие парика, — все это совершенно тождественно в гравюре Шхонебека*** и в нашей лубочной картинке... Текст, написанный в настоящей картинке над двумя богатырями, имеет все признаки шрифта петровского времени, как мы встречаем его на других лубочных картинках этого времени». Все это дает Стасову основание, не колеблясь, относить «Бой Ильи Муромца» к 1709 году: позже новые великие деяния Петра заслонили прежние и было бы не до того; а после смерти государя он «наверное был бы представлен не в столь строго-историческом и верном костюме». «Итак, вот каков был иногда в представлении у нашего народа еще даже в первой четверти XVIII века Петр I: он казался ему Ильёю Муромцем, то есть воплощением и повторением самого высокого, самого знаменитого, самого общераспространенного, самого сильного и самого великодушного национального богатыря». Во второй

* *Любопытный П.* Каталог // Библиогр<афические> записки. 1861. № 9. Стлб. 270—271; см. тут же и подробный титул этого «Панегирика».

** Она вышла в свет вскоре после Полтавского сражения, в 1709 или в 1710 г.

*** Стасов писал в то время, когда в специальной литературе держалось мнение, будто гравюра эта резана Шхонебеком; сравнительно только недавно на эту ошибку указал Ровинский, и сам раньше державшийся ее: оказывается, картину гравировал Пикар; Шхонебек же даже и не мог резать ее, так как умер за несколько лет до Полтавского боя (*Ровинский.* Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. СПб., 1895. С. 518, 524, 794).

картинке «конная фигура Александра Македонского оказывается опять-таки несомненным повторением конной фигуры Петра I» в той же гравюре Полтавского боя: «У Александра Македонского надеты тот самый белый галстух и манжеты, которые надеты у Петра I на его портретах XVIII века». Стасов предвидел возражение: «Настоящую картину нельзя считать выражением народной мысли, фантазии и чувства, так как фигура Петра I скопирована с гравюры Адриана Шхонебека, художника родом иностранца, а по положению при Петре — придворного, и значит, не народного». Он дает на это такой ответ: «какого бы происхождения ни был Шхонебек, но в России он был не что иное, как гравер лубочный и народный, и все его плохие картинки назначены были вовсе не для одного высшего класса, а для всего народа; во-вторых же, в рассматриваемой мною здесь лубочной картинке (“Бой И. Муромца”) у нас перед глазами не само произведение Шхонебека, а переделка; фигура, нарисованная иностранцем, применена, приложена для сцены, выдуманной самим народом. Склад надписи, шрифт — ничего не имеют общего с теми картинками в европейских формах, какие иногда заказывал и выпускал в народе Петр I; притом Петр был слишком озабочен своим “гражданским шрифтом” и, конечно, ни за что не стал бы употреблять ненавистный ему почерк букв, существовавший в лубочных картинках и гравюрах XVII века и повторенный здесь»*. Мнение Стасова по существу, конечно, не меняется, даже и при замене Шхонебека Пикаром; но все высказанное им достаточно ли убедительно, чтобы признать в вышепоименованных двух лубочных картинках «одобрение, симпатию, похвалу» и в особенности «наивысшее удивление»? Если даже и допустить, что все, сказанное про Шхонебека, приложимо и к Пикару, то разве не мог тот же Пикар в собственных интересах (сам лично или при посредстве своих русских учеников) напечатать названные картинку, пользуясь бывшим у него под рукой материалом (гравюра Полтавского боя) и применяясь к вкусу народным (шрифт не «гражданский»)? Или отчего не допустить, что народный гравер, составляя своего «Илью Муромца» и «Александра Македонского», воспользовался, как материалом, гравюрой Пикара? Конечно, последнего не сделал бы тот, кто считал Петра за антихриста; но воспользоваться готовым орудием на почве, несомненно, сильного впечатления, вызванного торжеством над шведами, можно было и без «похвалы и наивысшего удивления» перед всей совокупностью деятельности Петра Велико-го — мы намеренно подчеркиваем выражение: «перед всей совокупностью», потому что чувство радости Полтавская победа вызвать могла и в противниках Петра, как первый луч надежды на облегчение хотя бы только материального гнета.

* Рецензия на книгу Ровинского: «Русские народные картинки» // Журн<ал> Мин<истерства> нар<одного> просв<ещения>. 1882. Октябрь. С. 337—340.